УДК 821.161.3.09

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АНДРЕЯ СКОРИНКИНА

Болтовская Елена Александровна
доцент кафедры общего и славянского языкознания
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена описанию лексических средств представления оппозиции «свой – чужой» в русскоязычных текстах современного белорусского поэта А. Скоринкина.

Благодаря важнейшей человеческой способности осваивать мир посредством сравнения и противопоставления исследование оппозиции «свой – чужой» приобретает особое значение.

Андрей Владимирович Скоринкин родился в 1962 г. в Минске, окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького в Москве; он автор 17 поэтических сборников, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси, член-корреспондент Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения [1].

Понимание оппозиции «свой – чужой» в представлении лирического героя Андрея Скоринкина преимущественно религиозное, причём весьма догматичное: сохранение «своего» возможно лишь при уничтожении «чужого», активной борьбе с ним. И «свой», и «чужой», как правило, сверхъестественны, всемогущи. Перед ними погрязший в грехах человек жалок и бессилен. Обозначение границ «своего», предписанного в религиозных текстах, происходит через чёткое обозначение границ «чужого». Основой разграничения становится понятие греховности.

Трагедию на Немиге (30 мая 1999 г. из-за внезапно начавшейся грозы с крупным градом произошла массовая давка в подземном переходе Минска возле станции метро «Немига», жертвами которой стали 53 человека), крушение атомохода «Курск» 12 августа 2000 г., унёсшее жизни 118 членов экипажа (стихотворения «Битва на Немиге», «Баренцево горе»), автор трактует как экзистенциальную ситуацию борьбы сил света и тьмы, в которой *тяжкую вину* тех, кто *духовно* не познал *Творца*, смыть можно только кровью [2, с. 70]. В плоскости священного Бог становится «своим» (*Не спится мне – я встречи жду с Христом…* [2, с. 64]), а его антипод – «чужим». Мир «здешний» – чужой, так как правит им не Бог, обитающий *в облаках* [2, с. 69], а его давний противник, поэтому результаты сражения неутешительны: *Судьба славян – судьба атомохода… / Распяв царя и всю его семью, / Приняв чужую веру за свою, / Испив сполна бесовскую свободу, / Не только «Курск», вся Русь ушла под воду, / Где адский пламень тлеет в глубине… / Очнись, Россия, ты гниёшь на дне!..* [2, с. 73]; *Славяне не слились в российском море, / Оно, иссякнув, стало, как ручей* [2, с. 79].

Лирическому герою трудно жить в мире, полном несовершенства (*Все земные пути мне чужды…* [2, с. 80]), поэтому он мечтает *в мир иной уйти с любовью* [2, с. 74]. Дома ему плохо (*И не от счастья плачу я / В родном краю, как на чужбине…* [2, с. 61]), но всё же лучше, чем *в гиблой стороне* берегов Москвы-реки, *где незаметно тают силы*: *Я вспоминаю берег милый, / И на душе приятней мне* [2, с. 76]. Себя он видит пророком, праведником, глашатаем божественных идей, гениальным поэтом, *труд заветный* [2, с. 81] которого смогут оценить лишь потомки: *Слух обо мне пройдёт по всей вселенной…* [2, с. 56]; *Мальчик тот стал настоящим поэтом…* [2, с. 57]; *Смирись безропотно с неправедным позором, / Но будущим векам напомни, как велик / В устах пророческих божественный язык!..* [2, с. 81]; *Сизиф за меня сочиняет баллады…* [2, с. 59]; *В моих пророчествах о будущем Земли…* [2, с. 67]; *В салонах ночных / Ты свиньям глаголешь пророческий стих* [2, с. 69]; *Я говорю за всех отцов / И матерей планеты грешной…* [2, с. 71]. Так, повествуя о трудностях вступления в Союз писателей Беларуси из-за создания стихотворений на русском языке, о себе А. Скоринкин пишет в третьем лице: «Что и говорить, не простая судьба. Но с простой Андрей бы не стал настоящим русским поэтом…» [3].

К «своим», по мнению субъекта лирического высказывания, относятся: белорусы, погибшие в Великой Отечественной войне (*Каждый четвёртый погиб, как мужчина* [2, с. 57]), *белые аисты*, *братья родные* [2, с. 57], бабочка [2, с. 63–64, с. 68], гений [2, с. 81], чудак [2, с. 68], *странник*, который обделил себя *ломтем последнего хлеба* и *устремился на небо* [2, с. 64], Бог (*Боже правый*, *Боже мой*, Господь, Господи, Христос, Ты, Он, *Творец*) [2, с. 60, 62, 63, 64, 65, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 77, 78], Ангел (ангелы), Архангел [2, с. 64, 71], ближние [2, с. 60], хороший человек [2, с. 68], царь и вся его семья [2, с. 73], *старый русский* на «Победе» (*дед*) [2, с. 78], *дети неба и земли, / Которых нет на белом свете, / Которых мы не сберегли…* (*святые дети*) [2, с. 71], *бабушка слепая* (о болгарской ясновидящей Ванге) [2, с. 72]. Переход из мира земного в неземной обычно предвещает появление бабочки [2, с. 63–64].

«Чужие» воспринимаются однозначно как враги, соглашение с которыми невозможно: вандал [2, с. 56], народ, если он *беснуется* [2, с. 59], *больные сатралы*, принимающие *обличье зверей* [2, с. 63], кровожадный человек [2, с. 67], *гость в одежде чёрно-красной* (он же сатана, Люцифер, бес, *наглый зверь* [2, с. 59, с. 65, с. 66, с. 67, с. 70]), являвшийся к Сергею Есенину: *Сергей тогда прогнал его из дома, / Не пожалев ни зеркало, ни трость…* [2, с. 64], лицемер [2, с. 64], *черви мерзкие* [2, с. 70], все, кто *на чёрном рынке торговал* детьми, убийцы, палачи, жестокие офицеры, неопытные врачи, неумелые акушеры [2, с. 71], фигуры, *что истязают Родину мою* [2, с. 77], *«новый русский» в новом «Мерседесе»* [2, с. 78], завистники, невежды [2, с. 81].

Форма взаимодействия между «своим» и «чужим» – активное противостояние, уничтожение одного другим, провокация, подавление чужого, нетерпимость, экстремизм по отношению к «чужому», основанный на принципе «кто не с нами – тот против нас». Постоянные напоминания о Божьей каре [2, с. 70], Страшном Суде [2, с. 60, 67] в текстах призваны указать читателю на его греховность и заставить одуматься, пока не поздно: *Я кровью опишу свою любовь / К Тебе, и к ближним, и к врагам лукавым, / Которые мне жизни не дают, / Последнюю рубаху забирают… / Я ведаю, что будет Страшный Суд; / О Господи! Направь их души к раю…* [2, с. 60]; *И горе вам, наставники слепые, / Поскольку с вас начнётся Страшный Суд, / И не спасут вас церкви расписные…* [2, с. 67].

В.Г. Фильде считает, что «…идентификация «своего» в мифологическом типе оппозиции происходит через связь с общиной; в религиозном – через связь с Абсолютом; в тоталитарно-религиозном – через принадлежность религиозной или политической группе; философский тип оппозиции выявляет процесс самоидентификации Я через осознание наличия и отличия Другого» [4, с. 49]. На наш взгляд, по критериям, предложенным в её кандидатской диссертации, восприятие оппозиции «свой – чужой» субъектом высказывания в поэтических текстах А. Скоринкина максимально приближено к тоталитарно-религиозному типу, с чётким и бескомпромиссным разделением на «своих» (придерживающихся православных канонов) и «врагов» (не соблюдающих, нарушающих или отрицающих заповеди Божьи).

Список использованной литературы

1. Андрей Скоринкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zapadrus.su/component/tags/tag/andrey_skorinkin.html. – Дата доступа: 01.11.2019.
2. Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец 20 – начало 21 века) : для ст. шк. возраста / сост. Т. Ф. Рослик. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2010. – 280 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

3. Скоринкин, А. «К Родине милой моей…» [Электронный ресурс] / А. Скоринкин. – Режим доступа: https://zapadrus.su/ruslit/antologia/665-q-q147.html. – Дата доступа: 01.11.2019.
4. Фильде, В. Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре : дис. … канд. философских наук: 09.00.13 / В. Г. Фильде. – Омск, 2015. – 152 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова